

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

Научная статья

УДК 165.62

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.79-88

А. С. Тимошук, Е. А. Тимошук

КУЛЬТУР-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме гармонизации диссонанса разных идеальных миров. Гибридизированное бытие характеризуется сосуществованием самых разных информационных структур: в одной ленте могут быть самые разные фрагменты intersубъективных реальностей — лазорева суббота, чистый четверг, праздник трудовой солидарности с чикагскими рабочими, день памяти чернобыльской трагедии. Авторы обращаются к феноменологическому типу рациональности, который представляет комплексный инструмент интерпретации идеационных продуктов мифа, религии, идеологии, науки, повседневности. Феноменология не является новеллой в философии, но ее применение к морали, праву, религии носит еще ограниченный характер. Выводы феноменологии отличаются дифференцированным описанием процессов созидания духовных объектов — сакральное, благодать, справедливость, иеротопия, символ, ритуал, жрец, архетип, гимн, флаг, конституция. Стандартное объяснение духовности связано с интерпретацией супра-субъективной силы, которая формирует интуитивное взаимодействие субъекта с миром. Обосновано, что такая духовность аффективна и затронута культурным наполнением посредством исторически обусловленных институций и традиций. Феноменология предлагает особую интерпретацию духовности путем описания многослойности бытия, его intersубъективности и интенциональности. Сделан вывод, что при обсуждении феноменологической духовности следует учитывать научность и субъективность. Доминирующие представления об исключительности логической ясности натурализма ограничивают феноменологию с ее дескриптивностью, коммуникативностью и эмпатией.

Ключевые слова: феноменологическая духовность, феноменологическая рациональность, intersубъективность, интенциональность, ноэзис, ноэма

Ссылка для цитирования: Тимошук А. С., Тимошук Е. А. Культур-антропологическое значение феноменологии // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 79—88.

Original article

A. S. Timoshchuk, E. A. Timoshchuk

CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL SIGNIFICANCE OF PHENOMENOLOGY

Abstract. The article is devoted to the problem of harmonization of dissonance of different ideal worlds. Hybridized existence is characterized by the coexistence of a wide variety of information structures. One feed can contain the most diverse fragments of intersubjective realities — Azure Saturday, Maundy Thursday, the holiday of labor solidarity with Chicago workers, the day of remembrance of the Chernobyl tragedy. The authors turn to the phenom-

© Тимошук А. С., Тимошук Е. А. 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 79—88 •

nological type of rationality, which is a complex tool for interpreting the ideational products of myth, religion, ideology, science, everyday life. Phenomenology is not a novelty in philosophy, but its application to morality, law, religion is still limited. The conclusions of phenomenology are distinguished by a differentiated description of the processes of creation of spiritual objects — the sacred, grace, justice, hierotopy, symbol, ritual, priest, archetype, anthem, flag, constitution. The standard explanation of spirituality is associated with the interpretation of a supra-subjective force that shapes the intuitive interaction of the subject with the world. It is substantiated that such spirituality is affective and affected by cultural content through historically conditioned institutions and traditions. Phenomenology offers a special interpretation of spirituality by describing the multi-layered nature of being, its intersubjectivity and intentionality. It is concluded that when discussing phenomenological spirituality, scientificity and subjectivity should be taken into account. Dominant ideas about the exclusivity of the logical clarity of naturalism limit phenomenology with its descriptiveness, communicativeness and empathy.

Keywords: phenomenological spirituality, phenomenological rationality, intersubjectivity, intentionality, noesis, noem

Citation Link: Timoshchuk A. S., Timoshchuk E. A. (2024) Cultural-anthropological significance of phenomenology, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 79—88.

Вместо введения. Феноменология — философское направление, популярное на Западе в XX веке¹, в узком смысле относится к философской школе, основанной европейским философом Э. Гуссерлем (1859—1938). В основном оно состоит из философских теорий самого Гуссерля и его ранних последователей. Феноменология в широком смысле относится к целому философскому направлению: в ее содержание помимо философии Гуссерля входят также различные философские теории, прямо и косвенно находящиеся под ее влиянием, а также феноменологические принципы и методы, применявшиеся в западной гуманитарной науке XX века².

Феноменология — это не набор учений с фиксированным содержанием, а описание явлений через «непосредственное знание». Ее предмет не является ни объективной вещью, ни объективно существующим эмпирическим фактом или «чувственными данными», а «существованием в чистом сознании», отличным от любого психологического опыта. Ее основные характеристики в основном отражаются в методологии, то есть путем возвращения к исходному явлению сознания, описания и анализа процесса формирования понятий (в том числе существенных понятий и категорий) с целью получения реалистичной информации об установлении (смысле) концепции, а также четкие доказательства. Считается, что только на этой основе можно уточнить истинное значение этих понятий, тем

¹ Этимология слова «феноменология» восходит к работам французских философов Ламберта и Гегеля XVIII века, но его значение отличается от употребления Гуссерлем. Особое значение, которое Гуссерль придавал «феномену», относится к «сущности» различных эмпирических категорий в сфере сознания, и это существенное явление является дологическим, оно является результатом феноменологической редукции.

² Эволюция феноменологии восходит к работам философов Декарта, Ламберта, Канта, Гегеля, и ее значение несколько варьируется от философа к философу. Особое значение, которое Гуссерль придавал «феномену», относится к «сущности» различных эмпирических категорий в сфере сознания, и это существенное явление является дологическим, оно выступает результатом феноменологической редукции.

самым по-новому объяснить проблемы традиционной философии и провести глубокие исследования в различных областях.

Феноменология развилась как философия резистенции, будучи интеллектуальной реакцией на марксизм и ницшеанство, позитивизм и кризис рационализма. Она предложила преодоление опыта проживания в теле линейного времени и пространства, справедливо заслужив титул «философии будущего». Действительно, с тех пор как угас интерес к позитивизму, прагматизму, экзистенциализму, неотомизму, персонализму и даже космизму, а психоанализ и марксизм превратились в социальные практики, выбрав всю свою философскую глубину, феноменология только расширяет свое поле, разрабатывая региональные домены религии, права, политики и искусства.

Способность оставаться продуктивной методологией феноменология приобрела благодаря своей фундаментальной категории — «сознание». Даже герменевтика, сохраняющая популярность благодаря основательности концепта «текст», имеет некий потолок в приемах и методах, в то время как изучение и поиск инструментов описания сознания не может быть исчерпан. И в этом смысле феноменология сохраняет свежесть и новизну, подтачивая ницшеанский нигилизм.

Гуссерлианство нашло новые области описания — региональная онтология, эстетика, этика, антропология, мировоззрение, трансцендирование, социальное время. Продолжая картезианство и кантианство и реагируя на вызовы эмпириокритицизма, феноменология расширила концепции «опыт», «истина», «искусство», «диалог», «биография», «жизненный мир», «техника», «гуманизм», «Другой». Гуссерлианство установило мост между социальными структурами, поэтикой и когнитивизмом. Рациональное единство, связывающее Декарта, Канта, Ингардена, Шюца, основано на совмещении фундаментальности, интерпретативности, критичности, аналитичности. Если конкретные науки в отношении естественного мышления не заботят основания познания, знания «как это возможно», то феноменология может сделать объектом познания существование посредством «значения», которое будет построено как существование в сознании. И в этом смысле феноменология преодолевает естественнонаучный детерминизм, рассматривая мир с поворотной точки зрения сознания. Рациональность, природа, восприятие, помещенные в феноменологический контекст, неизбежно становятся внутренними. Гуссерлианство представляет возможный взгляд на свободу с точки зрения существования сознания.

Феноменология и рациональность. В каком-то смысле все вопросы философии науки можно в основном отнести к вопросу научной рациональности. Феноменология показала, что вопрос научной рациональности — это не только вопрос логики и методологии, он тесно связан с другими областями философии, в частности с антропологией. Если научная философия — это теория научной рациональности, то феноменология — это гуманитарная теория сознания. Допущение сознания в сферу науки с учетом строгости дескриптивной методологии феноменологии представляет программу умеренного рационализма, что уравнивает радикальный рационализм с его логицизмом, историцизмом и технократизмом.

Гуссерлианство как третий путь — важная традиция научной философии, отличительной чертой которой является то, что она придерживается резкого критического отношения к технократизму, логицизму, историцизму

и ориентируется на анализ и критику оснований и сущности науки и поэтому пытается переосмыслить ее рациональность путем реконструкции метафизического основания научного знания. Гуссерль был уверен, что с помощью феноменологического знания будет решен фундаментальный вопрос о возможности всякого исследуемого знания и науки. Дебаты вокруг рациональности науки в современной западной философии сформировали важные модели, которые, по сути, остаются на аналитическом треке, но имеют разные исходники.

По сравнению с другими традициями научной философии феноменологическая школа имеет совершенно иной стиль и кажется весьма «альтернативной» и уникальной. Впервые она была предложена философами континентальной Европы и в целом должна принадлежать континентальной европейской философии. При этом феноменологическая школа явно отличается от британской и американской аналитической философии науки.

Феноменологическая школа отказалась от узкой концепции аналитической философии, ограничивавшей «науку» естествознанием. Она включила философию и всю духовную деятельность в категорию науки, поэтому имеет явную антинатуралистскую, антисциентистскую позицию. Как известно, аналитическая философия, особенно логический эмпиризм, решительно отрицает и отвергает метафизику, ценности, деонтологию. Фанатичная антиметафизическая позиция не делает сциентизм сильным. Такие феноменологи, как Гуссерль, Хайдеггер, Гадамер, Ингарден, Шюц вынуждены защищать научность философии и духовность науки. Решающее значение для правильного понимания феноменологии имеет то, что она не ограничивает концепцию познания естественных наук, предлагая целостный взгляд на мир и человека. Феноменология относит различия между естествознанием и философией к различным установкам познания, где возникают разные самоочевидности и самоданности. Естественнонаучная установка не является при этом высшей и окончательной, феноменология же представляет знание о существующих вещах в смысловом человеческом мире.

Для Гуссерля сфера духа или человеческого поведения является «внутренней». Гуманитарные науки можно также назвать «субъективными», «эндогенными» науками. Конечно, это не означает, что в гуманитарных науках нет объективных факторов, ведь дух должен сначала выразить себя и культурные и духовные достижения, и все эти проявления духа они могут быть названы «объективированным духом». Вдобавок Гуссерль как классический европейский философ унаследовал все немецкие идеалы *Wissenschaft*.

Чтобы понять объекты исторической феноменологии, как формировался их понятийный аппарат, концептуальные фреймы, необходимо проследить путь формирования философии идеализма от Платона до Вальденфельса, его характеристики, связь первоначального смысла и входящих эмерджентных идей в происхождении социокультурной феноменологии, связь социальных практик и рациональности, роль инструментального освоения мира в становлении социокультурной оптики.

Историческая феноменология и философская христология. Считается, что возвращение идеалистического проективного мышления и реконструкция смыслов составляют суть исторического гуссерлианства. На основе феноменологического исследования вырисовываются два основных тренда: историческая феноменология как история становления идей и историческая феноменология в широком смысле как генерация идеалистического логоцентризма.

Гуссерль придал феноменологии институциональный характер, с него она и ведет свое историческое начало в философии, собирая множество имплицитных ранних концептов вроде эйдос, интенция, эпохэ. «Историческая феноменология» здесь относится к мыслям и теориям Гуссерля, возникшим из его размышлений об исторических проблемах в последние годы его жизни, а также будущем гуманитарных наук, наук о сознании. Это породило основные положения исторической феноменологии в «широком смысле». Поздняя феноменология дала начало социокультурным и историческим феноменологическим исследованиям. Размышления о рациональности, историческая ретроспекция и смысловая интроспекция составляют корень гуссерлианства и постгуссерлианства.

Исторически духовность ведет свой путь в философии как ориентация на существование из инобытия и проявляет себя в метафизике, этике, религиозной феноменологии, герменевтике религиозных текстов. Взаимодействие между этими полями открывает широкую область, «конфедерацию», которая всегда обновляется в зазоре между трансцендентностью и имманентностью и обеспечивает этическое применение как целостная, межличностная, динамичная духовность, как образ жизни и поиск смыслов.

Духовность возникает из предварительного неререфлективного опыта, возможно, за пределами «рационального». Философская духовность отличается обезличенностью и абстрактностью. Она не требует этической реализации и совпадает в моральном смысле, в лучшем случае, с элитарным морализмом. Отдельные гибридные проекты духовности по краям религии и мистики могут носить характер «мистики с открытыми глазами», «философской христологии», «квантового панэнтеизма», «голографической космологии», «богословия имманентности», «метафизики присутствия» [Wolf, 2014]. Для всех этих пограничных парадигм духовности феноменология выступает языком интерпретации состояний.

Спрос на неопределенную религиозность без Бога вырос в связи с рационализацией человека. Вместе с тем интерес к духовности не угасает, поэтому появляются проекты на стыке мистики, теологии и философии.

Отношение к Другому и к удаленному Третьему (по аналогии с *tertium comparationis*) не ограничивается совместным установлением интерсубъективных ценностных истин. Совместность бытия позволяет говорить о коллективной генерации духовности, которая не может быть редуцирована до субъективного события. Поскольку онтология воображаемого не равна онтологии интерсубъективного, коллективная духовность — это всегда со-творчество, подкрепляемое междометиями, классом звукоподражаний, которое как нельзя лучше подчеркивает совместность духовного бытия. Диалог как пространство духовности определяет генерацию совместных смыслов как ситуацию невозможности оставаться зрителем. Принуждение быть в коммуникации создает разнообразные состояния духовности от недифференцированных мифолого-мистических нарративов до комплексных продуктов в виде герменевтической религиозной феноменологии, диалогической философии, практической духовности в виде волонтерства и экологических проектов.

Духовность выполняет функции Третьего в философии диалога, она как остаток коммуникации и поле для дальнейших итераций и интеракций. Ставя себя на место Другого, я воспроизвожу диалогичность духовности. Диады «я — мы», «он — они», «я — ты» и т. п., которые мыслимы, на самом деле на основе

Третьего и составляют триаду, так как включают результаты диалога как социальную онтологию присутствия. Отношения с Другим включают отношения с Третьим, который нетематически присутствует в их диалоге. Третьим может выступать не только дискурс, Традиция. С точки зрения религии, Третий носит абсолютный характер и есть вечный наблюдающий (Бог). Третичность духовности как определяющего принципа отношений имеет большую градацию — от измененных состояний любви и экстаза до эсхатологического фона и мессианского обетования.

Философская христология начинается с признанного следа Христа, узнаваемого, но, по крайней мере, неявно воспринимаемого через его пригласительный характер. Отношения с Богом представлены в Евангелии как отношения с Другим, несущим в себе Бога. Слышать в соседе Бога — практический христианский мистицизм, в центре которого находится идея заместительного страдания за проступки человеческой истории через нисхождение Всевышнего в самое человеческое, наименьшее, в котором он прослеживается, присутствует, конкретизируясь в ответственности всех за всех [Levinas, 2012].

Это непрерывное возникновение и освоение бытия требует телеологической интерпретации. *Creatio continua* — это непрерывная событийность или нахождение бытия в процессе становления. Для людей это становление проявляется в среде жизни: оно не только оценивается, постигается через действие, ощущается, но и проживается в целом.

Таким образом, духовность отличается от догматического богословия и выступает частью повседневности. Значительный вклад в рационализацию мистики, религии, морали, а также в феноменологическое понимание внес Иммануил Кант.

«Кантианская» феноменология. Когда мы говорим о феноменологическом подходе к знанию, обязательно включаем одного из первых в список Иммануила Канта, помимо Платона, Аристотеля, Бэкона, Юма, Гегеля, Фихте, Кассирера, Гадамера, Мерло-Понти и Гуссерля.

Иммануил Кант — крупный мыслитель, который открыл много направлений в философии, до сих пор не потерявших актуальность. Он же подхватил феноменологические идеи Декарта и редукцию Юма. Продолжая тематику Просвещения и Нового времени, Кант, главным образом, повлиял на гносеологию, этику, эстетику и социальную философию. Он примирил рационализм и метафизику, естествознание и этику, сохранив за философией роль генератора новых значений и идей.

Кант стал одним из первых философов, который последовательно нагружал феноменологическую зону разными смыслами и создавал пролегомены к этому концепту. То, что мы называем феноменологией сегодня, находилось в процессе сборки во времена Канта. Три программы феноменологии (кантовская, гегелевская и гуссерлевская) имеют свои особенности, но все укоренены в «археологии достоверности» [Разеев, 1997].

Феноменологическое прочтение философии Канта связано с общим конструктивистским трендом Нового времени. Так, феноменологическая интерпретация его этики начинается с Другого и рефлексивно-интенционального принципа отношения к нему. «Долг», если понимать его феноменологически как естественную установку, звучит оригинально и вдохновляющее. Переживание долга как трансцендентного смысла морального контрастирует с миром фактов

и наличных вещей. Вместе с тем, говоря о феноменологической экспликации морали Канта, можно отметить, что подобное эйдетическое прочтение требует особого нозматического воображения. Феноменология позволяет заглянуть в трансцендентные смыслы морального и превзойти действия, погруженные в мир фактов и наличностей [Финдлер, 2002].

Можно ли сказать, что от Канта до Гуссерля остается один шаг? Маловероятно. И дело не только в работах Гегеля, Фихте, Brentano, подготовивших дальнейшую почву выхода феноменологии на новый уровень. Мало заметным остаются частные исследования, где кантианско-феноменологическая мысль работает на сложном уровне осмысления идеального. Так, Рудольф Отто (1869—1937) толковал религию как состояние священного живого существа, предстающего перед Великим [Тимощук, 2018]. У нас не может быть позитивно-эмпирического познания Бога с точки зрения науки, но мы можем зафиксировать субъективные чувства возвышенного, духовного, благоговейного. Якоб Фриз (1773—1843) применил критическую философию Канта к познанию феномена религии и открыл экономный способ синтетического познания априори священного через фиксации *sensus numinis*, которое не может быть фальсифицировано, в отличие от рациональных теологических конструкций [Пылаев, 2011: 59—74].

Отто продолжил кантианско-фризовскую модель описания «Ganz Andere» как возвышенного, несоизмеримого, непостижимого, мистического, трансцендентного. Нуминозный опыт превосходит классические отношения субъекта и объекта, разрушая границы между духовным и материальным, индивидуальным и всеобщим, видимым и невидимым, индивидуальным и коллективным [Лаврухин, 2017].

Другие феноменологические проблемы философии Канта касаются проблемы соотношения репрезентизма и дескриптивности, единства сознания и дискретности ощущений; ума как формы времени, собирающей впечатления в их многообразии; сознание времени как устойчивого единства; особенность генеалогии логики [Kinkaid, 2019; Morrison, 1978]; особенности обоснования морали у Гуссерля [Reusker, 2007]; эволюция феноменологии от Платона к Канту и Гуссерлю и преодоление эпистемологических проблем в феноменологии [Rockmore, 2011]; кантианское толкование Гуссерля [Орлова 2001, Орлова 2005]; «феноменологической редукции» философии Канта [Счастливец, 2014]; параллелизм этики и логики [Лаврухин, 2017]³.

«Критики» Канта пронизаны фундаментальными феноменологическими категориями — схема синтеза воображения, автономия воли, самозаконодательство, поиск архе, основоположения, Альтер эго (Другой). Оппозиция «*ding für sich*» и «*ding an sich*» повторяет трек феноменально-ноуменального.

³ В целом же интерес Гуссерля ко всякому становлению (*Werden*) — характеристика его поздних работ, в которых он начинает рассматривать мир более реалистично, не с позиции трансцендентального наблюдателя, а как аналитик intersubjectивного Другого. Индивидуальный модус сомнения вроде «мне кажется», «я полагаю», «по моему мнению» погружен в обыденность и повседневность, далек от какой-либо систематизации и обобщения. Такие алетические акты предикации практически никогда и нигде не могут стать наукой, кроме как феноменологии, достоящей из эксплицитного уровня пропозиции имплицитный слой феноменологических операторов — естественная установка, интенциональность, жизненный мир.

Трансцендентализм Канта неизбежно касается вопросов эпистемического фундамента знаний. Если Юм и Кант в XVIII доводят до рационального предела агностицизм в отношении манифестаций мира вещей, то Гуссерль, Ингарден, Шюц, Бергер и Лукман создают в XX веке дескриптивное наполнение для аскетичного мира *éлохí*.

Метод дескрипции Гуссерля вместе с тем отличается от философских методов Канта. Кант сохраняет определенный натурализм, пытаясь совместить позиции эмпиризма и рационализма. Чтобы примирить сознание и опыт, Кант был вынужден прийти к странному выводу о существовании двух видов реальности и существовании неизвестной стороны объектов. Гуссерль полностью преодолевает этот натурализм. Сознание и опыт больше не являются своего рода естественным объектом, а законы сознания и опыта больше не являются законом индукции. Сознание и опыт имеют свое собственное интенциональное измерение. Гуссерль принял идеал, который Кант хотел понять, но не смог достичь его полностью, — тщательное исследование субъективности. Вектор философии Гуссерля только приближает нас к Канту. Мы можем даже сказать, что Гуссерль — это новый кантианец, который больше, чем другие, возвращается к Канту.

Вместо заключения. Культур-атропологическое значение феноменологии заключается в сближении расходящихся миров — науки и религии, глобального и локального, природного и семантического. Открытие динамических идеальных структур составляет предмет исследования не только Гуссерля, но и Платона, Августина, Декарта, Канта, которые производили рефлексию над априорными предметностями [Разеев, 1997]. Редукция своей обусловленности является базовым философским действием ради усмотрения дифференциации между сущностью и существованием, наличным и процессуальным. Созерцание бытия как коррелята сознания происходит в момент избавления от принудительной необходимости естественной жизни с ее демонстративной причинностью.

В области ноэзо-ноэматического описания высказано много идей, ряд из которых интуитивно ясны, другие же относятся к метафизическим постулатам. Например, сама репрезентация ноэзиса и ноэмы как мышления и содержания его актов, процесса и его компонентов не является чем-то необычным. Действительно, данные категории вполне вписываются в онтологию процесса, системно-структурную методологию, «агент-среда» ориентированное моделирование [Счастливец, 2014].

Гуссерль исходил из феноменологической точки зрения трансцендентности. Глубоко размышляя о рациональном духе Европы, он возлагал надежду на то, что его феноменология и философия спасут кризис европейской науки. Это составляет академическую основу и предпосылку исторической феноменологии Гуссерля. Основные вопросы социокультурной феноменологии — это интенциональность, рациональность и смысл, которые должны быть интегрированы и включены в историю.

Основные проблемы феноменологического мышления исходят из вопроса внутреннего смысла, оснований рациональности и перспектив феноменологической интенциональности. Позитивистский историзм не позволяет глубоко размышлять над историческими проблемами, равно как и метафизика истории, историцизм, логицизм, юридизм. Феноменологический смысл заставляет рассматривать историю как разверстку горизонтов и конкретизацию жизненных планов. Через стратегии редукции, эмпатии, слушания биографической ситуации,

изучение нарративных слоев, анализ дискурсов, фокус на intersubjectivity интеракций феноменология создает свой проект социокультурной истории, где движителями выступают кайрос, энтелехия, отнопоэзис, пролиферация, конституирование, индивидуация, фабулизация, аппрезентация, визуализация, креативность, социологическое воображение. Феноменологический контекст рефлексии позволяет переосмыслить вопрос историчности вообще, усматривая последовательность событий как разверстку смысловых горизонтов. Феноменология не столько заставляет задумываться над содержанием общего исторического смысла, сколько задает параметры индивидуальных жизненных миров и интересуется их сопряжением, умножением, созиданием обобщенных смысловых доменов. Исследование истории вообще невозможно в феноменологии, ибо она конкретизирует свой интерес, направляя на системы релевантностей, биографические ситуации и другие детерминанты интенциональной рефлексивности. История вообще невозможна, так же как невозможен дискурс вообще. История, текст, цивилизация всегда конкретны и персонифицированы. Общие понятия являются абстрагированными формами конкретного. Поиски первоначального смысла и универсалий ценны тем, что есть конкретные мыслители, которые в определенной ситуации задают такие горизонты, создавая определенные смысловые локации для других идущих.

Библиографический список / References

- Лаврухин А. В. Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. С. 61—76.
(Lavrukhin A. V. Practical philosophy of Kant and Husserl, *Kant Collection*. 2017, pp. 61—76. — In Russ.)
- Орлова Ю. О. Понятия апперцепции и рефлексии у Канта и понятие рефлексии у Гуссерля // Между метафизикой и опытом. СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2001. С. 226—251.
(Orlova Yu. O. The concepts of apperception and reflexion in Kant and the concept of reflexion in Husserl, *Between metaphysics and experience*, St. Petersburg, 2001, pp. 226—251. — In Russ.)
- Орлова Ю. О. Кантианские стратегии интерпретации феноменологии Гуссерля (на примере современных исследований в Германии) // Актуальность Канта. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 193—204.
(Orlova Yu. O. Kantian strategies of interpreting Husserl's phenomenology (on the example of modern research in Germany), *Kant's relevance*, St. Petersburg, 2005, pp. 193—204. — In Russ.)
- Пылаев М. А. Философия религии в феноменологии Рудольфа Отто // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2011. № 6 (38). С. 59—74.
(Pylaev M. A. Philosophy of Religion in Rudolf Otto's Phenomenology, *Vestnik of the Orthodox Svyato-Tikhonovsky Humanitarian University. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 2011, no. 6 (38), pp. 59—74. — In Russ.)
- Разеев Д. Н. Учение о феноменальности (феноменология) Канта // Метафизические исследования: Понимание. 1997. Вып. 1. С. 38—74.
(Razeev D. N. The doctrine of phenomenality (phenomenology) of Kant, *Metaphysical studies: understanding*, 1997, iss. 1, pp. 38—74. — In Russ.)

Счастливец Р. А. Вперед, к Канту! Феноменология чистого разума // Преподаватель XXI век. 2014. № 2. С. 26—33.

(Schastlivtsev R. A. Forward, to Kant! Phenomenology of pure reason, *Teachers XXI century*, 2014, no. 2, pp. 26—33. — In Russ.)

Тимошук Е. А. Наследие Рудольфа Отто в феноменологии культуры // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 1. С. 4—12.

(Timoshchuk E. A. Rudolf Otto's heritage in the phenomenology of culture, *Observatory of culture*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 4—12. — In Russ.)

Финдлер Р. Феноменологическая этика Канта // Топос. 2002. № 1 (6). С. 29—50.

(Findler R. Kant's phenomenological ethics, *Topos*, 2002, no. 1 (6), pp. 29—50. — In Russ.)

Kinkaid J. Phenomenology, idealism, and the legacy of Kant, *British Journal for the History of Philosophy*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 593—614.

Morrison R. Kant, Husserl and Heidegger on Time and the Unity of “Consciousness”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1978, vol. 39, no. 2, pp. 182—198.

Peucker H. Husserl's Critique of Kant's Ethics, *Journal of the History of Philosophy*, 2007, no. 2 (45), pp. 309—319.

Rockmore T. *Kant and Phenomenology*, Chicago: University of Chicago Press, 2011. 257 p.

Wolf K. Das In-Sein, die Anderen und der Dritte im Bunde Phänomenologie und Spiritualität, *Münchener Theologische Zeitschrift*, 2014, pp. 212—228.

Levinas E. *Die Spur des Anderen. Untersuchungen zur Phänomenologie und Sozialphilosophie*, Karl Alber Verlag, 2012, 360 s.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Тимошук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Россия, ys@abhinanda.elcom.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Vladimir, Russian Federation, ys@abhinanda.elcom.ru

Тимошук Елена Андреевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, e@timos.elcom.ru

Timoshchuk Elena Andreevna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of Philosophy and Religious Studies Department, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, e@timos.elcom.ru